

Четвертая книга цикла «Разрушь меня».

ВОЗРОДИ МЕНЯ

ТАХИРА МАФИ

Разрушь меня

Тахира Мафи
Возроди меня

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Мафи Т.

Возроди меня / Т. Мафи — «Издательство АСТ»,
2018 — (Разрушь меня)

ISBN 978-5-17-109260-3

Джульетта – девушка, обладающая особым даром убивать прикосновением, – наконец может считать себя победительницей. Она выиграла в смертельной схватке с властями Сектора 45, уничтожила главнокомандующего Северной Америки и заняла его пост. И рядом с ней по-прежнему – ее возлюбленный Уорнер. Но сладость победы длится недолго. Правительства остальных секторов готовятся напасть на мятежников, а на саму Джульетту совершается покушение. К тому же она узнает, что на протяжении многих лет от нее скрывали правду о ее семье. У Джульетты сдают нервы – и одновременно труднее становится контролировать собственную Силу... Сможет ли она теперь, перед лицом надвигающейся беды, оставаться собой и использовать свой дар во благо?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-109260-3

© Мафи Т., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Джульетта	6
Уорнер	11
Джульетта	14
Уорнер	18
Джульетта	22
Уорнер	29
Джульетта	32
Уорнер	37
Джульетта	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Тахира Мафи Возроди меня

Tahereh Mafi

RESTORE ME

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Writers House и Synopsis.

© Tahereh Mafi, 2018

© Перевод. О. Мышакова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Серия книг Тахиры Мафи «Разрушь меня» взорвала Интернет. О ней говорят и спорят во всем мире. Первый роман цикла «Разрушь меня» был опубликован на 30 языках, а права на экранизацию приобрела компания «ABC Signature Studios».

* * *

*Посвящается Джоди Ример,
которая всегда верила*

Джульетта

Я больше не просыпаюсь с криком, не чувствую дурноты при виде крови, не содрогаюсь, прежде чем выстрелить.

Я никогда больше не стану извиняться за то, что выжила.

И все же...

Вздвигнув от звука распахнувшейся двери, оборачиваюсь, и рука сама привычно ложится на рукоять полуавтоматического пистолета, торчащего из кобуры на ремне.

– Джей, у нас проблема!

Кенджи смотрит на меня, сузив глаза и упершись руками в бока. Футболка туго натянута на груди. Это сердитый Кенджи. Взмолванный Кенджи. Шестнадцать дней назад мы захватили Сектор 45, и я заняла пост Верховного главнокомандующего Оздоровления. Пока все тихо. Настолько тихо, что это пугает. Каждый день я просыпаюсь, переполняемая ужасом и восторгом, с тревогой ожидая официальных нот от враждебных держав, которые не признают моей власти и развяжут войну, – и вот этот момент настал. Глубоко вздохнув, я поворачиваю голову вправо-влево, с хрустом разминая шейные позвонки, и смотрю Кенджи в глаза.

– Докладывай.

Он сжимает губы, глядит в потолок и наконец говорит:

– В общем, я не виноват, ясно? Я помочь хотел!

Дрогнув, недоуменно свожу брови:

– Что?

– Нет, конечно, твой гаденыш – тот еще паникер, но это уже ни в какие ворота...

– Подожди. – Я убираю руку с пистолета, чувствуя, как отпускает напряжение. – Кенджи, ты о чем? Война не началась?

– Какая война?! Джей, ты меня не слушаешь! Твой бойфренд бьется в истерике, иди и разберись с ним, пока я за него не взялся!

Я с раздражением выдыхаю.

– Ты снова за свое? Господи, Кенджи! – Я расстегиваю ремень кобуры на спине и не глядя бросаю на кровать. – Что ты на этот раз натворил?

– Ну вот опять! – Кенджи показывает на меня пальцем. – Почему ты сразу осуждаешь, принцесса? Почему у тебя всегда я виноват? – Он скрещивает руки на груди и говорит уже тише: – Я давно хотел с тобой поговорить – мне кажется, что как Верховная командующая ты не должна оказывать предпочтений...

Вдруг он замолкает.

Скрипнула дверь, и Кенджи резко приподнял брови. Тихий щелчок, и его глаза расширились. Заглушенный шорох движения – и вдруг ствол пистолета надавил ему на затылок. Кенджи смотрит на меня и одними губами повторяет слово *психопат*.

Предполагаемый психопат подмигивает мне, улыбаясь так, будто он вовсе не приставил пистолет к голове нашего общего приятеля. С трудом сдерживаю смех.

– Ну-ну, – говорит Уорнер. – Расскажи, в чем это Джульетта не оправдала твоих ожиданий на этом посту.

– Эй. – Руки Кенджи взлетают в шутовском «сдаюсь». – Я же не сказал, что она облажалась! Что ты нервничаешь?

Уорнер легонько стучает Кенджи пистолетом по голове:

– Идиот.

Кенджи резко оборачивается и выхватывает у Уорнера пистолет.

– У тебя не все дома? Ты же вроде успокоился!

– Успокоился, – ледяным тоном соглашается Уорнер. – Пока ты не коснулся моих волос!

– Ты сам попросил тебя подстричь!

– Ничего подобного, я просил только подровнять концы!

– Я так и сделал!

– Это, – говорит Уорнер, поворачиваясь, чтобы я могла увидеть ущерб, – не называется «подровнять концы», безрукий придурок!

Я ахаю. На затылке пучками торчат неровные пряди – выстрижены были целые полосы.

При виде своей работы Кенджи морщится, кашляет и сует руки глубже в карманы:

– Ну, это... Пойми, чувак, красота – понятие субъективное...

Уорнер наводит на него другой пистолет.

– Эй! – вопит Кенджи. – Я здесь не ради оскорблений, ясно? – Он указывает на Уорнера: – Я на это дерьмо не подписывался!

Взгляд Уорнера становится таким, что Кенджи пятится из комнаты в коридор, не дожидаясь, пока оппонент отреагирует на его слова. Не успела я вздохнуть с облегчением, как Кенджи снова заглядывает в комнату:

– А мне стрижка нравится!

Уорнер захлопывает дверь прямо перед его лицом.

Здравствуй, моя новая жизнь в качестве Верховного главнокомандующего Оздоровления.

Уорнер, тяжело выдохнув, некоторое время стоял лицом к закрывшейся двери, но плечи чуть расслабились.

Я смогла лучше разглядеть кошмар, который сотворил Кенджи. Густые роскошные золотистые волосы Уорнера, предмет его гордости, безобразно подстрижены.

Катастрофа.

– Аарон, – говорю я тихо.

Он опускает голову.

– Иди сюда.

Он оборачивается, поглядывая на меня краешком глаза, будто стыдится. Я убираю пистолеты с кровати, освобождая место. С печальным вздохом Уорнер опускается на матрац.

– Я выгляжу ужасно, – тихо говорит он.

Я с улыбкой качаю головой и глажу его по щеке.

– Зачем ты вообще разрешил ему себя стричь?

Уорнер озадаченно смотрит на меня круглыми зелеными глазами:

– Ты же сама сказала мне больше с ним общаться!

Я хохочу.

– И ты позволил ему себя обкорнать?

– Не позволял я, – с досадой отвечает Уорнер. – Это был... – он колеблется, – дружеский жест, проявление доверия. Я такое видел среди солдат... У меня, видишь ли, мало опыта в построении дружеских отношений.

– Как это? – говорю я. – Мы же с тобой друзья?

Он улыбается.

– И? – подталкиваю я его. – Это же здорово? Ты учишься вести себя с людьми нормально.

– Да, но я не хочу быть чересчур приветливым, мне это не идет.

– Очень даже идет, – уверяю я. – Мне так нравится, когда ты нормальный.

– Еще бы, – Уорнер едва сдерживает смех. – Но снисходительность дается мне с трудом. Тебе, любимая, придется проявить терпение с таким учеником.

Я беру его за руку.

– Не знаю, о чем ты. Ко мне ты очень добр.

Уорнер качает головой.

– Я обещал попробовать поладить с твоими друзьями – и пытаюсь. Но, надеюсь, ты не считаешь, что я способен на невозможное?

– Ты это о чем?

– Только о том, что я не хочу тебя разочаровать. Если очень надо, я могу выдавить из себя какую-то теплоту и общительность, но ты должна знать, что я не собираюсь с каждым обращаться как с тобой. *Это*, – он касается воздуха между нами, – исключение из очень жесткого правила. – Взгляд Уорнера не отрывается от моих губ, рука тянется к моей шее. – *Это*, – повторяет он, – очень-очень необычно.

Я перестаю

перестаю дышать, говорить, думать.

Не успевает он коснуться меня, как сердце начинает учащенно биться и воспоминания накрывают меня волной: тяжесть его тела на мне, вкус его кожи, жар прикосновения, резкие вздохи и то, что он говорит мне только в темноте.

Во мне трепещут бабочки, но я их прогоняю.

Это так ново – его прикосновения, кожа, запах, – так ново и так невероятно...

Уорнер улыбается и наклоняет голову. Я копирую его движение. С мягким вздохом его губы приоткрываются, я удерживаюсь от движения, но все внутри падает в бездну, и пальцы тянутся к его рубашке и тому, что под ней, когда он говорит:

– Мне придется остричься наголо.

И отстраняется.

Растерянно моргаю. Он так меня и не поцеловал?

– Очень надеюсь, – продолжает он, – что ты не разлюбишь меня, когда я вернусь.

Он встает и выходит. На пальцах одной руки я пересчитываю мужчин, которых я убила, и поражаюсь, как мало это помогает мне сдерживаться в присутствии Уорнера.

Я киваю, когда он машет на прощание, подбираю свой рассудок там, где я его оставила, и падаю навзничь на кровать. Голова идет кругом от сложностей войны – и мира.

* * *

Я не думала, что быть лидером легко, но, кажется, не ожидала, что будет так трудно.

Меня постоянно раздражают сомнения в правильности принятых решений. Я всякий раз поражаюсь, что солдаты подчиняются моим приказам. И меня все сильнее страшит, что нам – *мне* – придется убить очень многих, прежде чем в мире воцарится относительное спокойствие. Хотя больше всего из равновесия выводит тишина.

Прошло уже шестнадцать дней.

Я произносила пламенные речи о том, что должно прийти на смену настоящему, и о планах на будущее. Мы почтили память погибших в бою и сдержали обещание все изменить. Касл, верный слову, с головой ушел в работу, занявшись возрождением земледелия, ирригацией, а главное, адаптацией гражданского населения к жизни за пределами огороженной территории барачков. Но эта поэтапная и долгая работа – восстановление почвы – может занять добрую сотню лет, мы все это понимаем. Если бы речь шла только о гражданских, я бы так не волновалась, но я слишком хорошо знаю: этому миру ничем нельзя будет помочь, если мы потратим несколько десятилетий на войну.

И все равно я готова воевать.

Это не то, о чем я мечтаю, но я с радостью пойду в бой ради перемен. Но если бы все было так просто... Сейчас наибольшая проблема – еще и самая обескураживающая. Для войн требуются враги, а я ни одного не могу найти.

За шестнадцать дней с того момента, как я выстрелила Андерсону в лоб, мы не встретили никакого сопротивления. Никто не попытался меня арестовать. Никто не оспаривал мое главенство. Из остальных 554 секторов Северной Америки ни один не восстал, не объявил войны и не отозвался обо мне скверно. Никто не протестует, соседние сектора не взбунтовались. Отчего-то Оздоровление подыгрывает.

Делает вид, что ничего не произошло.

И это очень меня беспокоит.

Мы оказались в патовой ситуации, застряв в непонятном промежуточном положении, когда я отчаянно жажду действовать – ради жителей Сектора 45, ради Северной Америки, ради всего мира, но странное затишье выбивает почву из-под ног. Мы не сомневались, что после смерти Андерсона другие верховные командующие двинут против нас – и *меня* – свои армии. Вместо этого мировые лидеры подчеркнуто дают понять нашу незначительность. Нас игнорируют, как надоедливую муху, загнав за стекло, где мы можем сколько угодно жужжать и биться сломанными крыльями о стены, пока не кончится кислород. Сектору 45 дали автономии и возможность переделывать инфраструктуру без стороннего вмешательства. Сделали вид, что в мире ничего не изменилось. Наша революция произошла в вакууме. Нашу победу низвели до чего-то микроскопического, почти несуществующего.

Игры разума.

Касл постоянно говорит со мной, советует. Это по его предложению я начала проявлять инициативу и становиться хозяйкой положения. Я должна не выжидать, изводясь от тревоги, и обороняться, а громко заявлять о своем присутствии. «Застолби участок, – настаивает Касл, – займи свое место за столом и попытайся найти союзников, прежде чем перейти в наступление. Свяжись с пятью другими верховными главнокомандующими».

Допустим, я выступаю от имени Северной Америки, но как же остальной мир – Южная Америка, Европа, Азия, Африка, Океания?

«Проведи международную конференцию лидеров», – предложил Касл.

«Произнеси речь. Призови к миру», – сказал он.

– Они наверняка сторают от любопытства – семнадцатилетняя девчонка во главе Северной Америки? Какая-то девочка-подросток убивает Андерсона и объявляет себя правительницей континента? Мисс Феррарс, сейчас вы обладаете огромным козырем, разыграйте же его с умом!

– Я? Какой у меня козырь?

Касл вздохнул.

– Вы на редкость смелы для своего возраста, мисс Феррарс. Жаль только, что юность всегда подразумевает неопытность. Выражаясь проще, вы обладаете сверхчеловеческой силой, почти неуязвимой кожей и смертоносным прикосновением; всего в семнадцать лет вы в одиночку свергли деспота целого континента. И однако вы сомневаетесь, что способны устратить целый мир?

Я поморщилась.

– Старые привычки, Касл, – тихо сказала я, – плохие привычки. Конечно, вы правы.

Он заговорил снова, глядя на меня в упор:

– Вы должны понимать, что единодушное молчание ваших врагов – не совпадение, они общаются. И такой подход выбран неслучайно. Им интересно посмотреть, что вы предпримете. Они ждут вашего хода, мисс Феррарс. Умоляю вас сделать хороший ход.

Я стараюсь быть прилежной ученицей.

Я сделала, как предлагал Касл: три дня назад передала через Делалье пятерым лидерам Оздоровления приглашения на конференцию международных руководителей в Секторе 45 в следующем месяце.

Всего через пятнадцать минут после ухода Кенджи мне сообщили первый ответ.

Океания приглашение приняла.

Только я не знаю, как к этому относиться.

Уорнер

В последнее время я сам не свой.

Впрочем, сам не свой я уже довольно долго – так давно, что не отвечу точно, когда это началось. Не мигая, смотрю в зеркало; жужжание машинки для стрижки волос эхом отражается от стен. Свет падает в другом направлении – лицо освещено скупой, но я вижу, что здорово похудел. Щеки запали, глаза кажутся больше, резче проступили скулы. словно в знак траура, а в общем-то механически, я брею голову, и остатки бывшего тщеславия падают к моим ногам.

Мой отец мертв.

Я закрываю глаза, напряжением всех мышц борясь с непрошеным стеснением в груди. Машинка жужжит в стиснутом кулаке.

Мой отец мертв.

Прошло всего две недели после его смерти. Ему дважды выстрелила в голову та, которую я люблю. Она проявила ко мне доброту, убив его. Она проявила смелость, которой я не смог набраться за целую жизнь, и нажала на спусковой крючок, на что у меня никогда не хватало духу. Мой отец был чудовищем, он это заслужил.

Но откуда же *эта боль*?

С трудом втягиваю воздух и часто моргаю, радуясь уединению и возможности оторвать от себя толику плоти хотя бы таким образом. В этом чудится мне странный катарсис.

Моя мать мертва, думаю я, ведя электрическое лезвие через всю голову. *Отец мертв*, думаю я, когда волосы осыпаются на пол. Все, чем я был, все, что я сделал, все, что я есть сейчас, родилось от их действия и бездействия. Кто я теперь, когда родителей нет в живых?

Голова побрита, машинка выключена. Схватившись за край трюмо, подаюсь вперед, силясь разглядеть человека, которым я стал. Я чувствую себя старым и ненужным. Сердце и ум объявили друг другу войну. Последние слова, которые я сказал моему отцу...

– Эй...

Оборачиваюсь с гулко стучащим сердцем и тут же напускаю на себя безразличие.

– Привет, – говорю я и нарочито медленными, чтобы смирить дрожь в руках, движениями смахиваю с плеч остатки волос.

Джульетта смотрит на меня прекрасными большими глазами, полными тревоги.

Вспоминаю, что нужно улыбнуться.

– Ну, как я выгляжу? Не слишком ужасно?

– Аарон, – тихо говорит она, – что с тобой?

– Все в порядке, – отвечаю я, мельком взглянув в зеркало. Провожу ладонью по мягкой и одновременно колючей щетине полдюйма длиной и удивляюсь, что с бритой головой я выгляжу суровее и хладнокровнее, чем раньше. – Хотя, признаться, я не совсем узнаю себя, – добавляю я с деланным смешком.

Я стою посреди ванной в одних боксерах. Тело никогда еще не было стройнее, а рельеф мышц более выраженным. Резкие линии в сочетании с безжалостно остриженными волосами создают впечатление чего-то brutального, почти нецивилизованного. Я невольно отвожу взгляд.

Джульетта встает прямо передо мной.

Она опускает руки мне на бедра и тянет вперед. Я переступаю, подчиняясь ее тяге.

– Ты что делаешь? – начинаю я, но, встретившись с ней взглядом, вижу в ее глазах нежность и заботу.

Что-то внутри меня тает, плечи расслабляются, и я прижимаю Джульетту к себе, глубоко вдохнув.

– Когда мы поговорим? – спрашивает она, уткнувшись мне в грудь. – О том, что случилось?

Я каменею.

– Аарон!

– Со мной все нормально, – лгу я. – Это просто волосы.

– Ты знаешь, что я не об этом.

Отвожу взгляд и смотрю в никуда. Некоторое время мы оба молчим.

Паузу наконец нарушает Джульетта.

– Ты злишься на меня? – шепчет она. – Потому что я его застрелила?

Мышцы словно сводит судорогой. Ее глаза расширяются.

– Нет-нет! – говорю я слишком быстро, хотя это правда. – Нет, конечно, вовсе нет.

Джульетта вздыхает.

– Может, ты этого даже не осознаешь, – говорит она, – абсолютно нормально скорбеть по отцу, даже если он был ужасным человеком. – Она поднимает на меня взгляд: – Ты же не робот.

Справившись с комком в горле, мягко высвобождаюсь из ее объятий, целую в щеку и не отстраняюсь еще секунду.

– Мне надо в душ.

У нее расстроенный и недоумевающий вид, но я не знаю, как еще поступить. Не то чтобы мне неприятно ее общество, просто мне действительно необходимо побыть одному, и я не знаю, как еще это сделать.

Поэтому я стою под душем, принимаю ванны, ухожу на долгие прогулки.

Я трачу на это много времени.

Когда я ложусь в постель, она уже спит.

Я хочу коснуться Джульетты, прижать к себе ее нежное теплое тело, но я словно парализован. Это мучительное полугоре делает меня сообщником мрака – я уже беспокоюсь, что моя скорбь будет интерпретирована как сочувствие выбору отца и самому его существованию, а в этом вопросе мне не нужно, чтобы меня неправильно поняли. Я не могу признаться, что скорблю по нему, что мне вообще есть дело до смерти монстра, который меня вырастил. В отсутствие нормальной реакции я будто замороженный – разумный, все чувствующий камень в надгробии отца.

Ты злишься на меня, потому что я его застрелила?

Я его ненавидел.

Ненависть была такой сильной, какой я никогда не испытывал. Но пламя подлинной ненависти, как я уже понял, не может гореть без кислорода любви. Я не чувствовал бы такой боли и ненависти, будь он мне безразличен.

Именно безответная любовь к отцу всегда была самой большой моей слабостью, поэтому я лежу, утопая в скорби, которой мне не с кем поделиться, и тоска выедаёт мое сердце изнутри.

Я сирота.

– Аарон? – шепчет Джульетта, и я возвращаюсь в настоящее.

– Да, любимая?

Она сонно пододвигается и толкает меня лбом в плечо. Невольно улыбнувшись, ложусь так, чтобы дать ей место. Она тут же заполняет пустоту, прижимаясь лицом к моей шее, а рукой обняв за талию. Закрываю глаза, будто в молитве. Сердце снова начинает биться.

– Мне тебя не хватало, – говорит она еле слышно.

– Я здесь, – говорю я, нежно касаясь ее щеки. – Я рядом, любимая.

Но Джульетта качает головой. Даже когда я прижимаю ее к себе, она, засыпая, все-таки качает головой.

И я гадаю, сильно ли она ошибается.

Джульетта

Сегодня я завтракаю одна – но не в одиночестве.

Вокруг сплошь знакомые лица. Все о чем-нибудь говорят – о снах, о работе или продолжают неоконченный разговор. Энергетика в столовой зависит от количества выпитого кофе, и сейчас здесь еще очень спокойно.

Брендан, который все утро держит в руках одну и ту же чашку кофе, перехватывает мой взгляд и приветственно машет. Он единственный среди нас, кому не нужен кофеин: его дар продуцировать электричество служит как бы запасным генератором для организма. Брендан – воплощение энтузиазма: белоснежные волосы и голубые, как льдинки, глаза излучают собственную энергию, ощутимую даже на другом конце столовой. Я начинаю думать, что Брендан приходит сюда только из солидарности с Уинстоном, который жить не может без кофе. Они с Бренданом сейчас неразлучны, хотя Уинстон иногда и раздражается на естественную бодрость Брендана. Они через многое прошли вместе, как и все мы.

Рядом с ними сидит Алия, положив перед собой открытый альбом: наверняка рисует что-то новое и необычное, полезное для нашей борьбы. От усталости мне лень шевелиться, иначе я бы к ним подошла. Пристроив подбородок на руку, обвожу взглядом столовую, с благодарностью всматриваясь в лица друзей. Шрамы у Брендана и Уинстона заставляют вспомнить то, что я предпочла бы забыть – как мы думали, что потеряли их: в тот день у нас убили еще двоих... Нет, эти мысли слишком тяжелые для завтрака. Отвожу взгляд и барабаню пальцами по столу.

Я жду Кенджи – так мы теперь начинаем рабочий день – и только поэтому я еще не взяла свою тарелку. К сожалению, он опаздывает, а в животе у меня бурчит от голода. Кругом все режут стопки пышных панкейков, очень аппетитных на вид. На столах сплошные искушения: кленовый сироп, жареная картошка, свеженарезанные фрукты. Устранение Андерсона и захват Сектора 45 обеспечили нам разнообразные завтраки... Но я боюсь, что улучшение оценим только мы.

Уорнер никогда с нами не завтракает – он постоянно работает, даже во время еды. Завтрак для него – очередная деловая встреча, и чаще всего он ест с Делалье (хотя я не уверена, что он что-нибудь ест). Уорнер не понимает гурманства: еда для него – горючее, нужное организму для нормального функционирования. Один раз за ужином, когда он читал какие-то важные документы, я поставила перед ним бисквит на блюде – посмотреть, чем дело кончится. Он на секунду поднял взгляд и снова уткнулся в работу, прошептал одними губами «спасибо» и съел бисквит ножом и вилкой, по-моему, даже не почувствовав вкуса. Незачем говорить, что это делает его полной противоположностью Кенджи, который с удовольствием ест все и побольше. Позже он мне признался, что вид Уорнера, кромсавшего бисквит, чуть не заставил его прослезиться.

Кстати, о Кенджи: его отсутствие весьма странно, и я начинаю волноваться. Я уже в третий раз поглядываю на часы, когда замечаю у своего стола Адама, переминающегося со смущенным видом.

– Привет! – говорю я слишком громко. – Что... гм... что случилось?

За последнюю неделю мы с Адамом пару раз общались, но всякий раз это происходило случайно. Достаточно будет сказать, что Адам ни разу не подходил ко мне по делу, и я так удивилась, что едва не проглядела очевидное: он плохо выглядит.

Издерганный. Измотанный. Изнуренный. Могу поклясться, что он плакал (надеюсь, не из-за нашего неудавшегося романа).

Однако прежний инстинкт проснулся, тронув струну старой привязанности.

Мы заговорили одновременно:

– У тебя все нормально?

– Касл хочет с тобой поговорить.
– Касл отправил тебя за мной?! – переспросила я, забыв о чувствах.
Адам пожимает плечами:
– Видимо, я подвернулся в нужный момент.
– Гм... Понятно, – через силу улыбаюсь. Касл никак не бросит своих попыток нас помирить – он не любит натянутых отношений. – Прямо сейчас?
– Да, – Адам сует руки в карманы. – Немедленно.
– Хорошо, – отвечаю я. Разговор вдруг начинает казаться ужасно неловким. Адам стоит у стола, пока я собираю свои вещи. Я готова попросить его отойти и не стоять над душой – что за ерунда, мы расстались целую вечность назад, но вижу, что он смотрит не на меня, а в пол, весь в своих мыслях.
– Слушай, ты точно в порядке? – спрашиваю я еще раз, уже мягче.
Адам, будто очнувшись, поднимает взгляд:
– Что? А, да, я в порядке. А ты знаешь, что... – он кашляет, прочищая горло, и оглядывается. – Ты, это...
– Что – я?
Адам покачивается на пятках, его взгляд мечется по комнате.
– Уорнер вообще не спускается к завтраку, что ли?
Я удивленно приподнимаю брови.
– Ты ищешь Уорнера?
– Нет, я просто спрашиваю. Странно, что его здесь не бывает.
Гляжу на него в упор. Он молчит.
– Это вовсе не так уж странно, – медленно отвечаю я, изучая лицо Адама. – У Уорнера нет времени на общий завтрак, он постоянно занят работой.
– О-о, – с этим восклицанием из Адама точно выкачали воздух. – Печально.
– Вот как? – хмурюсь я.
Но Адам, словно не слыша меня, зовет Джеймса, который сразу отодвигает свой поднос с завтраком. Встретившись на середине столовой, они с Адамом уходят.
Я понятия не имею, чем они заняты целыми днями. Я не спрашиваю.

* * *

Тайна отсутствия Кенджи за завтраком разрешилась, когда я подошла к кабинету Касла: они там о чем-то совещались, сблизив головы.
Из вежливости я стучу, хотя дверь открыта.
– Вы хотели меня видеть?
– Да-да, мисс Феррарс, – с готовностью отзывается Касл, вскочив на ноги, и манит меня в кабинет: – Пожалуйста, присаживайтесь. Не могли бы вы... – он показывает мне за спину, – закрыть дверь?
Мне сразу становится не по себе.
Нерешительно вхожу в импровизированный офис Касла и бросаю взгляд на Кенджи, чье бесстрастное лицо ничуть не уменьшает мой страх.
– А что происходит? – спрашиваю я и обращаюсь к Кенджи: – Почему тебя не было в столовой?
Касл жестом предлагает мне присесть.
Присаживаюсь.
– Мисс Феррарс, – сразу начинает он, – у вас есть новости из Океании?
– В каком смысле?
– Реакция на приглашение? Вы же получили первый положительный ответ?

– Получила, – медленно говорю я. – Но об этом пока никто не знает. Я собиралась сегодня за завтраком сказать об этом Кенджи...

– Чепуха, – обрывает меня Касл. – Все об этом знают. И мистер Уорнер, и лейтенант Делалье...

– Что? – Я смотрю на Кенджи, но он только пожимает плечами. – Откуда?

– А что вас так шокирует, мисс Феррарс? Естественно, вся ваша переписка просматривается.

У меня глаза лезут из орбит:

– Как?!

Касл только машет рукой:

– Время дорого, поэтому, с вашего разрешения, я бы очень...

– Откуда такая спешка? – не выдерживаю я. – Как прикажете вам помогать, если я даже не знаю, о чем идет речь?

Касл двумя пальцами сжимает переносицу.

– Кенджи, – вдруг говорит он, – ты не оставишь нас одних?

– Ага, – Кенджи вскакивает, насмешливо отдает честь и направляется к двери.

– Стой, – хватаю я его за локоть. – Что происходит?

– Понятия не имею, – смеется Кенджи, высвобождая руку. – Этот разговор меня не касается. Касл меня вызывал о коровах поговорить.

– О каких еще коровах?

– Обычных, – мой приятель изгибает бровь. – Которые домашняя скотина. Касл поручил мне пошарить на нескольких сотнях акров сельскохозяйственных угодий, которые не интересовали Оздоровление. Там целые коровьи стада!

– Интересно...

– Представь себе, да! – в его глазах появляется огонек. – Их элементарно отследить по метану. Ты можешь справедливо спросить, почему мы раньше этим не за...

– Метан? – удивляюсь я. – Это же газ?

– Я так понимаю, о коровьем дерьме ты ничего не знаешь?

Я пропускаю это мимо ушей.

– Значит, вместо завтрака у тебя был коровий навоз?

– В основном.

– Ну, тогда понятно, откуда такая вонь, – язвлю я.

Через секунду до Кенджи доходит. Сузив глаза, он стучит пальцем мне по лбу:

– Ты встала на скользкий путь, сама-то понимаешь?

Сладко улыбаюсь в ответ:

– До скорого свидания на утренней прогулке.

Кенджи что-то недовольно бурчит.

– Да ладно, – отмахиваюсь я, – на этот раз будет весело, обещаю!

– Ага, очень, – Кенджи закатывает глаза и двумя пальцами салюует Каслу: – До свидания, сэр.

Касл с улыбкой кивает.

Кенджи весьма неторопливо выходит из кабинета, хлопает дверью, и за какие-то мгновения лицо Касла полностью меняется. Исчезли легкая улыбка и энтузиазм во взгляде. Передо мной сидит потрясенный, серьезный и даже испуганный человек.

Он сразу переходит к делу:

– Что было в ответе на приглашение? Какие-нибудь особенные, необычные фразы не попадались?

– Кажется, нет, – хмурюсь я. – Не знаю. Если мою переписку мониторят, вы уже знаете ответ.

– Вашу почту просматриваю не я.

– А кто? Уорнер?

Касл только глянул на меня.

– Мисс Феррарс, в этом письме есть нечто крайне странное... Особенно с учетом того, что это первый и на данную минуту единственный ответ.

– О'кей, – недоуменно отзываюсь я. – А что в нем странного?

Касл смотрит на свои руки, потом переводит взгляд на стенку.

– Что вы знаете об Океании?

– Очень мало.

– Что конкретно?

Пожимаю плечами:

– Ну, могу показать ее на карте.

– Но вы там не бывали?

– Шутите? – недоверчиво гляжу я на него. – Конечно нет! Каким бы образом? Родители забрали меня из школы и провели по всем кругам ада системы, запихнув под конец в сумасшедший дом!

Глубоко вздохнув, Касл прикрывает глаза и четко произносит:

– Было ли что-нибудь запоминающееся в ответе, который вы получили от главнокомандующего Океании?

– Нет, – отвечаю я, – ничего такого.

– Вот как?

– Ну, может, язык не совсем формальный, но это же вря...

– Что конкретно вы имеете в виду?

Опускаю взгляд, припоминая.

– Ну, ответ был очень коротким, что-то вроде: «Не терпится увидеть вас», без подписи и даты.

– «Не терпится увидеть вас»? – озадаченно повторяет Касл.

Я киваю.

– Не «встретиться с вами», а «увидеть вас»? – уточняет он.

Снова подтверждаю кивком.

– Я же говорю – не совсем формально, но ведь вежливо! Мне это показалось позитивным знаком, с учетом обстоятельств.

Касл тяжело вздыхает и отворачивается к стене, сложив пальцы под подбородком. Я рассматриваю его острый профиль, когда он неожиданно спрашивает:

– Мисс Феррарс, что мистер Уорнер рассказывал вам об Оздоровлении?

Уорнер

Я сижу один в комнате для совещаний, рассеянно водя рукой по стриженной голове, когда входит Делалье, везя за собой маленький стол-тележку с кофе. На его лице умеренно теплая, неуверенная улыбка, которой я привык доверять. В последние дни работы стало еще больше и, к счастью, у нас нет времени обсуждать щекотливые подробности недавних событий. Сомневаюсь, что и позже нам захочется к ним возвращаться.

За это я бесконечно благодарен судьбе.

Мне здесь спокойно – с Делалье. Здесь я могу сделать вид, что моя жизнь почти не изменилась.

Для солдат Сектора 45 я по-прежнему регент и командир, в мои обязанности входит организовать и вести тех, кто поможет нам противостоять остальной части Оздоровления. Отсюда естественным образом вытекает обязанность провести огромную реструктуризацию и скоординировать дальнейшие шаги, и Делалье в этом деле незаменим.

– Доброе утро, сэр.

Киваю в ответ, и он наливает нам по чашке кофе. Как лейтенант Делалье не обязан сам наливать себе кофе по утрам, но мы предпочитаем приватность.

Сделав глоток густой черной жидкости – в последнее время мне стала нравиться вяжущая горечь, – я откидываюсь на спинку стула:

– Что нового?

Делалье, закашлявшись, поспешно возвращает чашку на блюдце, пролив несколько капель:

– Сегодня новостей довольно много, сэр.

Я наклоняю к нему голову.

– Строительство нового центра управления идет по графику. Окончательного завершения можно ожидать в ближайшие две недели, но жилые помещения будут готовы принять проживающих уже завтра.

– Хорошо. – Наша новая команда, которой руководит Джульетта, разрослась до внушительных размеров и обзавелась множеством отделов, требующих надзора. За исключением Касла, который отгородил для себя маленький кабинет, все начали пользоваться моим личным учебным центром как штабом. Вначале это казалось практичным – вход туда есть только из моих личных покоев, но теперь по базе свободно перемещается целая толпа, и ко мне часто входят, даже не постучав. Незачем и говорить, что это сводит с ума.

– Что еще?

Делалье сверяется со своими записями:

– Удалось отыскать архив вашего отца – поиски и возвращение заняли довольно много времени... Я велел поставить коробки в вашей комнате, сэр, чтобы вы лично открыли их на досуге. Я подумал... – Делалье деликатно кашляет, – мне показалось, вам захочется разобрать оставшиеся после него личные записи до того, как они перейдут к нашему новому Верховному главнокомандующему.

Меня наполняет холодный ужас, тяжелый, как свинец.

– Боюсь, просматривать придется много, – продолжает Делалье. – Журналы, отчеты, личные дневники... – Он колеблется и добавляет тоном, понятным только мне: – Надеюсь, его записи будут вам полезны.

Я встречаюсь взглядом с Делалье. В его глазах беспокойство и забота.

– Спасибо, – тихо говорю я. – А я почти забыл...

Наступает неловкое молчание. Несколько мгновений ни он, ни я не знаем, что сказать. Мы еще не говорили о смерти моего отца, зятя Делалье, отвратительного мужа его покойной

дочери, моей матери. Мы никогда не говорим о том, что Делалье – мой дед, единственная замена отцу, оставшаяся у меня в этом мире.

Мы об этом не говорим.

Поэтому когда Делалье пытается подобрать оборванную нить разговора, у него прерывистый, неестественный голос.

– Океания, как я слышал, сэр, заявила о присутствии своих представителей на симпозиуме, организованном нашей новой... мадам Верховной...

Я киваю.

– Но остальные, – вдруг спешит прибавить Делалье, – не ответят, пока не поговорят с вами, сэр.

У меня невольно округляются глаза от удивления.

– Они... – Делалье снова деликатно кашляет. – Дело в том, сэр, что, как вам известно, они старые друзья семьи, и... э-э...

– Да, – шепчу я, – конечно.

Отвожу взгляд и смотрю в стену. Челюсти сводит от бессилия. В глубине души я этого ожидал, но после двух недель молчания начал надеяться, что они так и будут прикидываться дураками. Старые друзья отца не выходят со мной на контакт – никаких соболезнований, белых роз и открыток. Прекратилась привычная переписка с семьями, которые я знаю с детства, с кланами, ответственными за адский ландшафт, в котором мы сейчас существуем. Я уже думал, что меня, к счастью, милосердно бросили. Я ошибся.

Видимо, предательства недостаточно, чтобы меня оставили в покое. Стало быть, ежедневные записи отца, подробно излагавшего мою «карикатурно-нелепую увлеченность экспериментом», не стали достаточно веским основанием, чтобы изгнать паршивую овцу из стада. Он любил сетовать вслух, мой отец, широко делаясь неодобрением и отвращением ко мне со старыми друзьями, единственными из ныне живущих, кто знал его лично. Он каждый день унижал меня перед общими знакомыми, превращая мой мир, мысли и чувства в нечто ничтожное и жалкое. Каждый день мне на почту приходили нудные нотации от других главнокомандующих, взывавших к моему здравому смыслу, как они это называли, призывавших опомниться, перестать позорить семью и начать слушаться отца. Повзрослеть наконец, стать мужчиной и заканчивать хныкать над моей больной матерью. Нет, эти связи уходят корнями слишком глубоко...

Крепко зажмуриваюсь, чтобы сдержать наплыв лиц и воспоминаний детства, и отвечаю:

– Передай им, я с ними свяжусь.

– В этом нет необходимости, сэр, – отвечает Делалье.

– Как так?

– Дети Ибрагима уже *en route*¹.

У меня будто мгновенно парализовало руки и ноги.

– То есть? – я едва сохраняю хладнокровие. – На пути куда? Сюда?

Делалье кивает.

Меня обдаёт жаром. Я не замечаю, как вскакиваю, пока мне не приходится ухватиться за край стола, чтобы удержаться на ногах.

– Да как они смеют, – говорю я, цепляясь за остатки самообладания. – Какое неуважение... Какая невыносимая бесцеремонность...

– Да, сэр, я понимаю, сэр, – снова тревожится Делалье. – Но, как вы сами знаете, таков образ действий правящих семей, сэр. Старая традиция. Отказ с моей стороны был бы интерпретирован как проявление открытой враждебности, а мадам Верховная главнокомандующая

¹ В пути (*фр.*).

велела мне как можно дольше вести себя дипломатично, и я подумал... О, простите, простите меня, сэр...

– Она не знает, с кем имеет дело, – резко говорю я. – С этими людьми не может быть дипломатии. Новая командующая еще не имела возможности в этом убедиться, но ты, – говорю я скорее расстроено, чем зло, – ты-то опытный человек! Чтобы избежать этого, я бы не побоился решиться на войну...

Я не смотрю на Делалье во время своей тирады и наконец слышу его дрожащий голос:

– Сэр, мне очень, очень жаль.

Ну еще бы, старая традиция.

Право приходить и уходить когда вздумается существует очень давно. Правящие семьи всегда были желанными гостями на подконтрольных территориях и обходились без приглашений. Пока повстанческое движение было молодо, а дети малы, наши семьи крепко держались друг за друга. А теперь эти кланы – и их детки – правят миром.

Так жил и я – очень долгое время. Во вторник встреча для игр в Европе, в пятницу – обед в Южной Америке. Наши родители сумасшедшие, причем поголовно.

Единственные приятели, которые у меня были, росли в семьях еще более безумных, чем моя. У меня нет желания снова их видеть.

Однако...

Господи, надо же предупредить Джульетту!

– Что касается гражданских, сэр, – лепечет Делалье, – я говорил с Каслом по... по вашей просьбе, сэр, как лучше осуществить вывод населения из бараков...

Остаток встречи я почти не помню.

Избавившись наконец от Делалье, я спешу обратно в свои бывшие комнаты: в это время Джульетта обычно там, и я надеюсь застать ее и предупредить, пока не поздно.

Но меня перехватили.

– Эй...

Рассеянно поднимаю взгляд и останавливаюсь как вкопанный. Глаза округляются.

– Кент, – тихо говорю я.

Сразу же понимаю – с ним что-то не то. Выглядит он ужасно – еще более тощий, чем раньше, под глазами черные круги. Еле держится на ногах.

Интересно, я тоже кажусь ему таким?

– Я хотел спросить... – начинает он и отводит взгляд. Лицо сводит судорогой. Кашлянув, он продолжает: – Нельзя ли нам с тобой поговорить?

Мне вдруг становится трудно дышать. Я смотрю на него долгую секунду, отмечая напряженные плечи, растрепанные волосы, обкусанные до крови ногти. Под моим взглядом Кент засовывает руки глубже в карманы. В глаза мне он не смотрит.

– Говори, – отвечаю я.

Он кивает.

Я тихо, медленно выдыхаю. Мы ни словом не обменялись с того дня, когда я выяснил, что мы братья, – почти три недели назад. Я думал, тот эмоциональный взрыв завершился ко всеобщему удовлетворению, но с тех пор произошло много всякого, и у нас не было возможности расковырять эту рану.

– Конечно, давай поговорим, – повторяю я.

Кент с трудом сглатывает, не отрывая взгляда от пола.

– Хорошо.

У меня вдруг вырывается вопрос, от которого нам обоим становится неуютно:

– С тобой что-то не так?

Удивленный, Кент поднимает глаза – красные веки, голубые радужки, белки в красных прожилках. Кадык дергается вверх-вниз по шее.

– Я не знаю, с кем еще поговорить, – шепчет он. – Кто поймет...

Зато я знаю. Я понял все и сразу.

Когда его глаза вдруг стекленеют от сдерживаемых эмоций, а плечи трясутся, несмотря на все усилия держаться...

Я чувствую, как мои собственные кости трещат.

– Конечно, – к своему удивлению, говорю я. – Пойдем.

Джульетта

Нас ждет очередной холодный день – посеребренные инеем развалины и припудренное снегом разложение. Каждое утро я просыпаюсь в надежде на лучик солнечного света, но безжалостный мороз алчно запускает зубы в нашу плоть. Большая часть зимы позади, но первые недели марта выдались бесчеловечно морозными. Поднимаю воротник пальто и запахиваюсь поплотнее.

Мы с Кенджи на ставшей уже традиционной утренней прогулке по брошенной территории Сектора 45. Странное, раскрепощающее ощущение – иметь возможность свободно побродить на свежем воздухе. Странное, потому что я не могу выйти с базы без маленького отряда охраны, а раскрепощающее оттого, что я впервые знакомлюсь с окрестностями. У меня никогда еще не было возможности пройти вдоль барачных корпусов, своими глазами увидеть, что стало с нашим миром. А теперь у меня полное право гулять где хочется...

Ну, почти.

Оглядываюсь через плечо на шестерых солдат, следующих за нами по пятам с автоматами на изготовку. Никто еще точно не знает, что со мной делать. У Андерсона все было заведено иначе – он никому не показывал своего лица, кроме тех, кого собирался убить, и никуда не выезжал без личной охраны. У меня нет правил ни на первый, ни на второй случай, и пока я не решила, в какой манере буду руководить, моя новая реальность такова: меня опекают, стоит выйти за порог.

Я пыталась объяснить, что мне не нужна защита, напоминала о своем смертоносном (буквально) прикосновении, о сверхчеловеческой силе, о фактической неуязвимости...

– Солдатам будет намного проще, – объяснил Уорнер, – если ты будешь соблюдать формальный протокол. Мы в армии привыкли полагаться на правила, распорядок и постоянную дисциплину; солдатам нужна инструкция на любую ситуацию. Сделай это ради них, – попросил он. – Подыграй. Нельзя же поменять все и сразу, любимая, это дезориентирует.

Вот я и хожу с сопровождением.

Будто под надзором.

Уже две недели Уорнер – мой неизменный наставник, он учит меня всему, что выполнял его отец и за что лично он сам нес и несет ответственность. На Уорнере масса ежедневных обязанностей, связанных с нормальным функционированием Сектора 45; что уж говорить о причудливом и, на первый взгляд, бесконечном списке дел, которые должна выполнять я, если хочу повести за собой целый континент!

Я солгу, не признавшись, что временами это кажется нереальным.

У меня был один день, всего один день, чтобы перевести дух и порадоваться свержению Андерсона и установлению нашего контроля над сектором. Один день, чтобы отоспаться, улыбнуться и помечтать о лучшем мире.

Вечером второго дня у меня на пороге появился взволнованный Делалье.

Казалось, он еле сдерживает панику.

– Мадам Верховная главнокомандующая, – с безумной улыбкой начал он, – я понимаю, что в последнее время вы были крайне заняты. Столько дел... – он опустил взгляд и судорожно сцепил пальцы. – Но, боюсь... То есть я думаю...

– В чем дело? – поторопила я его. – Что-нибудь произошло?

– Видите ли, мадам... Я не хотел вас беспокоить – вы много вынесли, вам нужно время, чтобы привыкнуть...

Он уставился в стену.

Я ждала.

– Простите, – сказал Делалье. – Прошло уже тридцать шесть часов с той минуты, как к вам перешел контроль над континентом, однако вы ни разу не побывали в своей ставке, – заторопился он. – А почты на ваше имя поступило столько, что я уже не знаю, куда ее складывать...

– *Что?!*

Делалье замер и наконец встретился со мной взглядом.

– Как это – *в моей ставке?* У меня что, есть *свой штаб?*

Делалье ошеломленно заморгал.

– Конечно, мэм. У Верховного командующего ставка в каждом секторе. Вам отведено целое крыло – именно там покойный главнокомандующий Андерсон имел обыкновение останавливаться всякий раз, как посещал эту базу. Весь мир знает, что вы сделали Сорок пятый сектор своей постоянной резиденцией, поэтому сюда будет поступать вся корреспонденция, как бумажная, так и цифровая. Сюда каждое утро будут доставляться данные вашей разведки и ежедневные отчеты командиров секторов...

– Вы шутите, – упавшим голосом сказала я.

– Я серьезен как никогда, мэм, – в отчаянии возразил Делалье. – Меня беспокоит первое впечатление, которое вы невольно произведете, не ответив на эти письма... – Он опустил взгляд. – Простите меня, я не хотел дерзить, я понимаю, что вы стремитесь к укреплению международных связей, но меня беспокоят последствия, с которыми вы рискуете столкнуться, нарушив многочисленные соглашения...

– Нет-нет, спасибо вам, Делалье. – У меня заболела голова. – Спасибо, что сказали. Я... Я очень благодарна вам за своевременное вмешательство. Я и понятия не имела... – я прижала ладонь ко лбу. – Может, завтра с утра и начнем? Не могли бы вы завтра выйти со мной на утреннюю прогулку и показать, где находится моя ставка?

– Конечно, – слегка поклонился Делалье. – Это большая честь для меня, мадам Верховная главнокомандующая.

– Благодарю вас, лейтенант.

– Рад служить, мэм, – с облегчением отозвался он. – Приятного вечера.

Прощаясь, я споткнулась, от растерянности запутавшись в собственных ногах.

* * *

Изменилось немного.

Тенниски шаркают по бетону, а ноги по-прежнему заплетаются, когда я, очнувшись, вспоминаю, что я в настоящем. Я зашагала решительнее, не поддаваясь очередному порыву холодного ветра. Кенджи озабоченно поглядывает на меня. Я смотрю на него, но не вижу – я гляжу будто сквозь него, шурясь без особой причины. Мысли летят вместе с ветром своим собственным курсом.

– Детка, ты в порядке?

Искоса взглядываю на Кенджи:

– Да...

– Убедительно.

Через силу улыбаюсь и хмурюсь одновременно.

– Ну так что, – шумно выдыхает Кенджи, – чего от тебя хотел Касл?

С неожиданным раздражением отворачиваюсь:

– Не знаю! Касл себя странно ведет.

Кенджи сразу настораживается. Касл для него как отец, и я не сомневаюсь, что доведись Кенджи выбирать, он предпочтет мне Касла. Сразу становится ясно, кто у него в приоритете, когда он отвечает:

– Как это Касл может странно себя вести? Утром он был совершенно нормальный.

Пожимаю плечами.

– Он вдруг повел себя как настоящий параноик и сказал об Уорнере такие вещи, что... – я замолкаю и качаю головой. – Ну не знаю!..

Кенджи останавливается.

– Подожди, а что он сказал об Уорнере?

Я дергаю плечом – все еще раздраженная.

– Касл считает, что Уорнер мне многого не рассказывает. Не то чтобы скрывает, но ведь я о нем почти ничего не знаю. Я говорю: «Если вы знаете об Уорнере больше моего, расскажите!» А Касл: «Нет, бла-бла-бла, мистер Уорнер должен сказать вам лично». Короче, по его мнению, странно, что я почти ничего не знаю о прошлом Уорнера. Но это же неправда, – я поворачиваюсь к Кенджи. – Я много чего знаю о его прошлом.

– Например?

– Например, вот хотя бы о его матери.

Кенджи усмехается:

– Ни черта ты о его матери не знаешь.

– Еще как знаю!

– Да ради бога, Джей. Ты даже не знаешь, как ее звали.

Осекшись, я напрягаю память – такое Уорнер наверняка мне говорил, и...

И ничего.

Пристыженно гляжу на Кенджи.

– Ее звали Лейла, – нехотя роняет он. – Лейла Уорнер. Я знаю это только потому, что Касл вел собственное расследование, и у нас в «Омеге пойнт» была информация на всех, кто нас интересовал. Правда, я не знал, что сверхспособности Лейлы довели ее до болезни... Андерсон тогда много сил потратил, чтобы замолчать эту историю.

– Ого, – только и говорю я.

– То есть ты решила, что Касл ведет себя странно, когда он совершенно справедливо указал на то, что ты ничего не знаешь о своем бойфренде?

– Не будь злым, – тихо прошу я. – Кое-что я знаю.

Но я действительно знала очень мало.

Касл невольно наступил мне на большую мозоль – я бы покривила душой, сказав, что не интересуюсь, как Уорнер жил до меня. Я часто думаю о том дне – том ужасном дне – в прелестном голубом домике в Сикаморе, когда Андерсон выстрелил мне в грудь.

Мы были вдвоем – я и он.

Я не передала Уорнеру, что его отец сказал мне в тот день, но до сих пор не могу забыть его слова. Я убеждала себя, что Андерсон блефовал в надежде отвлечь меня и ослабить защитную силу, но сколько бы раз я ни анализировала тот проклятый разговор, меня не оставляло ощущение, что это могло быть сказано не ради эффекта. А вдруг это правда?

Я так и вижу улыбку на лице Андерсона. Я отчетливо помню музыкальные модуляции в его голосе – его забавляли мои страдания.

А он говорил тебе, сколько солдат хотело встать во главе Сорок пятого сектора, сколько прекрасных кандидатов у нас было? И среди них единственный восемнадцатилетний щенок!

Он рассказал, на что был вынужден согласиться, чтобы доказать – он достоин быть командиром?

Сердце тяжело стучит в груди. Я закрываю глаза. Легкие сжимаются в тугие узелки.

Он тебе говорил, что я заставил его сделать ради этого поста?

Нет.

Подозреваю, ему не очень хочется об этом рассказывать! Готов держать пари, он ненавидит вспоминать эту страницу своего прошлого!

Да, ненавидит.

А я ни разу не спрашивала. И наверное, никогда не захочу этого знать.

Не беспокойся, я не стану портить тебе удовольствие, сказал мне тогда Андерсон.
Пусть он сам расскажет тебе все подробности.

И сегодня утром я услышала эту же фразу от Касла.

– Нет, мисс Феррарс, – отказался Касл, пряча взгляд. – Нет-нет, у меня нет права вам это сообщать. Мистер Уорнер должен сам рассказать о своей жизни.

– Не понимаю, – расстроено сказала я. – Почему такая срочность? Отчего вас вдруг озаботило его прошлое? Какая здесь связь с положительным ответом из Океании?

– Уорнер близко знаком с лидерами Оздоровления, – ответил Касл. – Для этой политической элиты он почти член семьи. И ему многое нужно вам объяснить. Ответ Океании крайне необычен, мисс Феррарс, по одной простой причине: пока это единственный полученный вами ответ. Я не сомневаюсь, что этот шаг не только согласован с лидерами других держав, но и совершен с определенными намерениями. И вот эти намерения я пока разгадать не могу.

Меня бросило в жар. Челюсти сжались от плеснувшего гнева.

– Вы же сами мне сказали обратиться к лидерам других континентов! Это была ваша идея! А теперь вы в ужасе, потому что кто-то нам ответил?! Что вы...

И тут я вдруг сразу все поняла.

Мои слова прозвучали тихо и ошеломленно:

– Боже мой, вы вообще не думали, что мне кто-нибудь ответит?

Касл с усилием сглотнул и ничего не сказал.

– *Вы не верили, что кто-нибудь ответит?* – повторила я.

Голос взлетел и зазвенел, как струна.

– Мисс Феррарс, вы должны понять...

– Что за игры вы со мной затеяли, Касл? – Кулаки сжались сами собой. – Что вы творите?

– Я не играю в игры, – заторопился он, бурно жестикулируя. – Я лишь хотел попробовать в порядке эксперимента...

В глазах у меня вдруг стало горячо. Ярость подступила к горлу, вибрацией прошла по позвоночнику. Мне потребовалось немало усилий, чтобы сдержаться.

– Я уже давно не чей-то эксперимент, – отдельно сказала я. – И я хочу знать, что за чертовщина происходит!

– Вы должны поговорить с мистером Уорнером, – вздохнул Касл. – Он все объяснит. Вам предстоит многое узнать о реальном мире и об Оздоровлении. Время крайне дорого. – Касл посмотрел мне в глаза. – Вы должны быть готовы к тому, что надвигается. Вы должны узнать больше, и немедленно, прежде чем ситуация усугубится...

Я отвела взгляд. Руки дрожали от неизрасходованной энергии. Очень хотелось и даже остро требовалось что-нибудь разбить, что угодно, но я сказала:

– Это чушь, Касл. Полная чушь.

Он вдруг показался мне самым печальным человеком на свете, когда ответил:

– Я знаю.

* * *

После этого разговора я хожу с сильнейшей головной болью.

И мне отнюдь не стало лучше, когда Кенджи потыкал меня в плечо, заставив очнуться, и сказал:

– Я уже это говорил и снова повторяю: у вас очень странные отношения.

– Ничего подобного, – огрызаюсь я.

– Странные, – отрезает Кенджи и отступает, оставляя меня стоять одну на пустой улице. На ходу он приподнимает воображаемую шляпу. Я швыряю в него тенниской. И, естественно, промахиваюсь: Кенджи ловит мою тапочку и ждет в десяти шагах, пока я к нему доковыляю. Не нужно оборачиваться, чтобы представить усмешки на лицах солдат, следующих за нами на некотором расстоянии. Не сомневаюсь – мое назначение на пост главнокомандующего все считают нелепой шуткой. Да и почему бы им так не считать?

Прошло две недели, а я все как потерянная.

Полупарализованная.

Я не горжусь своим неумением собраться, не горжусь тем, что на поверку я оказалась не настолько умной и проницательной, чтобы править миром. Я не горжусь, что в минуты слабости, глядя на свой план работы на день, я с невольным восхищением представляю, насколько же организованным был покойный Андерсон. Каким образованным, каким на редкость одаренным...

Я не горжусь, что я об этом думаю или что в тихие утренние часы лежу без сна рядом с сыном Андерсона, измученная переживаниями, и почти мечтаю, чтобы Андерсон воскрес и снова взвалил на себя бремя, которое я украла с его плеч.

И все время одна мысль, одна неотступная мысль не дает мне покоя.

Может быть, я совершила ошибку...

– Алло, алло! Земля вызывает принцессу!

Я растерянно поднимаю взгляд. Что-то меня сегодня то и дело уносит в задумчивость.

– Ты что-то сказал?

Кенджи качает головой и подает мне мою тенниску. Пока я надеваю ее, Кенджи говорит:

– Ты вытащила меня на прогулку в такой мерзкий холод, чтобы игнорировать?

Я приподнимаю бровь. Он выжидательно поднимает обе свои.

– Колись, в чем дело, Джей! Это, – он показывает на мое лицо, – не может быть от странностей Касла с утра пораньше. – Он наклоняет голову набок, и я вижу искреннее беспокойство в его глазах: – Что случилось?

Я выдыхаю, и от этого тело словно съеживается.

Вы должны поговорить с мистером Уорнером. Он все объяснит.

Но Уорнер отнюдь не славится общительностью. Он не умеет поддержать светскую беседу, не любит говорить о себе, не привык откровенничать. Я знаю, он меня любит – я чувствую это при каждой нашей встрече, он глубоко равнодушен ко мне, – но все равно Уорнер открывается очень скупой. Он как запертый сейф, к которому я лишь изредка получаю доступ, и я часто гадаю, сколько же мне еще предстоит о нем узнать. Порой это меня пугает.

– Не знаю, – говорю я наконец. – Я здорово устала, и мысли одолели...

– Трудная ночь?

Я поднимаю взгляд на Кенджи, заслоняясь ладонью от негреющего солнца.

– Знаешь, я уже забыла, что такое нормальный сон, – признаюсь я. – Я встаю в четыре утра, но до сих пор не одолела почту даже за прошлую неделю. Это же ненормально?

Кенджи косится на меня с нескрываемым удивлением.

– Необходимо ежедневно визировать массу всякой всячины, причем даже не какие-то серьезные вопросы, а ерунду вроде... – я достаю из кармана скомканный лист и трясу им, тыча куда-то в небо, – «четыреста восемнадцатый сектор хочет прибавить ко времени обеда своих солдат еще три минуты», и без моего одобрения они не могут это сделать. Три минуты! *Да кому есть дело до трех минут?*

Кенджи, пряча улыбку, сует руки в карманы.

– И так каждый день, с утра до вечера, и все равно я ничего не успеваю! Я-то думала – займусь важными делами, объединю сектора, добьюсь заключения мира, а вместо этого целыми

днями прячусь от Делалье, который вырастает передо мной как из-под земли, потому что ему каждые пять минут нужна моя подпись. *И это еще только переписка!*

Разогнавшись, я признаюсь во всем том, чего никогда не скажу Уорнеру, боясь его разочаровать. Мне становится легче, но в душе шевельнулось опасение: а вдруг я не должна в этом признаваться даже Кенджи?

Я замолчала, ожидая реакции. Кенджи слушает, не глядя на меня. Голова чуть наклонена в сторону, губы вот-вот дрогнут в улыбке. Спустя пару секунд он уточняет:

– Это все?

Отрицательно мотаю головой, испытывая облегчение и благодарность от того, что можно продолжать жаловаться.

– Приходится постоянно делать записи в журнале. Я пишу отчеты, читаю отчеты, подаю отчеты. В Северной Америке еще пятьсот пятьдесят четыре сектора, Кенджи, *пятьсот пятьдесят четыре!* – Смотрю на него в упор. – Каждый день я должна читать по пятьсот пятьдесят четыре отчета!

Кенджи невозмутимо смотрит на меня.

– Пятьсот! Пятьдесят! Четыре!

Он складывает руки на груди.

– Десятистраничных отчета!

– Угу.

– Хочешь секрет? – спрашиваю я.

– Валяй.

– Это адская работа!

Кенджи хохочет, однако ничего не говорит.

– Ну, что думаешь? – не выдерживаю я.

Он ерошит мне волосы и говорит:

– Ох, Джей...

Я убираю голову из-под его ладони.

– И это все? Только охать можешь?

Кенджи пожимает плечами.

– Ну? – настаиваю я.

– Я и сам не знаю, – с легкой ухмылкой говорит он. – Ты думала, будет легко, что ли?

– Нет, – тихо отвечаю я. – Я только думала, что будет интереснее.

– В каком смысле?

– Ну, круче.

– Типа уничтожить целую шайку плохих парней? По-твоему, можно отличными бойцовскими навыками проложить себе путь в политику? Или достаточно убить Андерсона – и бац, мир во всем мире?

Не могу лгать Кенджи в лицо, поэтому лгу сквозь зубы, уставившись в бетон:

– Ничего подобного.

Кенджи вздыхает.

– Вот почему Касла одолевали дурные предчувствия. В «Омеге пойнт» все всегда делалось медленно и постепенно: мы выжидали подходящего момента, знали нашу силу и наши слабости. У нас уже много чего хорошего было, но Касл твердил – нельзя свергать главнокомандующего, пока мы не будем готовы встать во главе континента. Вот почему я не убил Андерсона, когда у меня была возможность, хотя он уже был полутрупом и оказался в двух шагах от меня... – Пауза. – Момент был неподходящий.

– Значит, ты считаешь, я совершила ошибку?

Кенджи отводит взгляд, но тут же снова смотрит на меня и невесело улыбается:

– Я считаю, что ты классная.

– Но думаешь, что я совершила ошибку?

Он картинно пожимает плечами.

– Я этого не говорю, просто тебе нужно подучиться. Психушка не подготовила тебя к такой работенке.

Я прищуриваюсь. Кенджи смеется.

– Слушай, ты отлично ладишь с людьми, ты умеешь говорить, но на этом посту всегда будет море бумажек – и тонны дерьма. Много притворства, подхалимства. Ну, вот чем мы сейчас заняты? Стараемся не допустить войны, верно? Хотим взять власть, не спровоцировав полной анархии? Пытаемся не ввязаться в войну вот прямо сейчас, согласна?

Я не сразу отвечаю, и он легонько толкает меня в плечо.

– Ты согласна? – повторяет он. – Разве не это наша цель – всеми силами удерживать мир, попробовать дипломатические подходы, прежде чем все взорвется к чертям?

– Да-да, – поспешно соглашаюсь я. – Конечно, предотвратить войну, избегать случайных жертв, играть по правилам...

– Ну, вот и ладно, – Кенджи снова отворачивается. – Нужно держаться, Джей. Если ты начнешь распускаться, Оздоровление тебя живьем сожрет. Этого они и хотят – наверное, даже ждут, когда ты начнешь сама себя грызть. Не дай им этого увидеть, не показывай слабину.

Я внимательно смотрю на него, вдруг очень испугавшись. Он обнимает меня за плечи.

– Нельзя психовать из-за ерунды вроде отчетов. На тебя сейчас смотрят и ждут, что будет. Мы либо начнем войну с другими секторами – да со всем миром! – либо хладнокровно вступим в переговоры. Ты должна быть непрошибаемой. Спокойной, как камень.

Я не знаю, что ему ответить. Кенджи прав. Происходящее настолько превосходит мое понимание, что я даже не знаю, с чего начинать. Я школу не закончила, а тут от меня требуют показывать знание международных отношений на уровне взрослого образованного человека!

Уорнера специально готовили к этой роли. Все, что он делает, чем живет и дышит...

Из него растили будущего лидера.

А я?!

Во что я ввязалась, черт побери?

Кем я себя возомнила, чтобы управлять континентом? Как я позволила себе поверить, что врожденная сверхъестественная способность убивать простым прикосновением автоматически даст мне исчерпывающее понимание политической науки?

Я с силой сжимаю кулаки, и —

боль, новая боль,

когда ногти впиваются глубоко в ладонь.

Интересно, как я представляла себе управление миром? Неужели я действительно полагала это простым делом? Надеялась, что смогу контролировать изменения общественного строя из спальни моего бойфренда?

Я только начинаю осознавать масштабы этой тончайшей паутины из людей, постов и власти. Я сказала, что готова к такой задаче – я, семнадцатилетнее ничтожество с микроскопическим жизненным опытом! И теперь, в одночасье, обязана соответствовать, хотя понятия не имею, что делаю.

А если я не удержу в своих руках тысячи этих ниточек-отношений? Если я не стану притворяться, покажу, что у меня лишь отдаленное представление о том, как править континентом? Остальной мир уничтожит меня в мгновение ока.

Иногда мне уже не верится, что я выберусь живой из этой заварухи.

Уорнер

– Как Джеймс?

Я первый нарушаю молчание. Странное ощущение. Новое для меня.

Кент кивает в ответ, глядя на свои стиснутые пальцы. Мы на крыше, вокруг бетон и холод. Сюда я иногда выхожу побыть в одиночестве. Отсюда сектор видно как на ладони: океан вдали, гражданские, как игрушечные солдатики, ходят туда-сюда. Солнце медленно, лениво выглянуло наконец в середине дня.

– Хорошо, – отвечает Кент напряженным голосом. На нем только футболка, но обжигающий холод ему словно и не мешает. – Можно сказать, образцово. Он молодец, хорошо держится.

Я киваю. Кент поднимает глаза, и у него вырывается короткий нервный смех. Он отводит взгляд.

– Ну, не сумасшествие? – говорит он. – Может, мы оба рехнулись?

Мы умолкаем на минуту. Ветер свистит громче, чем раньше.

– Не знаю, – отвечаю я наконец.

Кент ударяет кулаком по колену и шумно сопит.

– Знаешь, я тебе этого не говорил, – начинает он, глядя куда-то мимо меня. – В ту ночь...

Я хочу, чтобы ты знал – для меня многое значит то, что ты тогда сказал.

Я, прищурившись, смотрю вдаль.

Сложно извиняться за попытку кого-то убить, но я попробовал. Я сказал, что понимаю Кента – его боль, гнев, его поступки, – и добавил, что, несмотря на давление нашего папаша, он вырос гораздо лучшим человеком, чем я.

– Я говорил искренне, – отзываюсь я.

Кент постукивает по губам сжатым кулаком. Кашлянув, он хрипло говорит:

– Мне жаль. Все пошло наперекосяк, буквально все. Такой бардак...

– Да, – соглашаюсь я.

– И что нам теперь делать? – он наконец поворачивает ко мне голову, но я не готов посмотреть ему в глаза. – Как... исправлять? Мы сможем это исправить? Не слишком ли все далеко зашло?

Я провожу рукой по ежику на голове.

– Не знаю, – очень тихо отвечаю я. – Но мне бы хотелось.

– Да?

Я киваю. Кент, сидя рядом, кивает несколько раз.

– Я еще не готов сказать Джеймсу...

– Да? – удивляюсь я.

– Не из-за тебя, – быстро говорит он. – Я не о тебе волнуюсь. Просто, чтобы объяснить, придется лезть в дебри. Я не знаю, как сказать Джеймсу, что его отец был чудовищем... Я вообще считаю, ему не нужно об этом знать.

Я поворачиваюсь к Кенту:

– Джеймс не знает? Ничего?!

Кент качает головой.

– Он был совсем мал, когда умерла наша мама, и я всегда старался держать его подальше, когда рядом обретался отец. Я ему сказал, что родители погибли в авиакатастрофе.

– Впечатляет, – слышу я свой голос. – Весьма великодушно с твоей стороны.

Кент продолжает треснувшим голосом:

– Господи, ну почему я так расстроен его смертью? Почему мне не все равно?

– Та же проблема, – качаю я головой.

– Да?!

Киваю. Кент прячет лицо в ладони.

– Он все так испортил...

Кент дважды всхлипывает – две резкие попытки сдержать эмоции. И все равно я завидую его природной открытости. Вытащив носовой платок из внутреннего кармана куртки, протягиваю его Кенту.

– Спасибо, – с трудом говорит он.

Я снова киваю.

– А... что с твоими волосами?

Я настолько не ожидал этого вопроса, что едва не вздрогнул. Я думаю рассказать Кенту все от начала до конца, но мне не хочется, чтобы он спрашивал, зачем я вообще подпустил Кенджи к своим волосам, и тогда мне придется объяснять, что Джульетта очень просила подружиться с этим идиотом. По-моему, о ней нам пока говорить не стоит. Поэтому я коротко отвечаю:

– Маленькая неприятность.

Кент приподнимает брови и смеется:

– Понятно.

Я с удивлением смотрю на него.

– Все нормально, кстати, – говорит он.

– Ты о чем?

Кент уже сидит прямее, подставив лицо солнцу. Я впервые замечаю в нем черты моего отца – и мои.

– О вас с Джульеттой, – отвечает Кент.

Я застываю на месте.

Он смотрит на меня:

– Да правда же, все нормально.

– Не уверен, что мне было бы нормально, окажись я на твоём месте, – вырывается у меня.

Кент улыбается, но улыбка выходит печальной.

– Ближе к концу я вел себя с ней отвратительно, – признается он. – Ну и получил, что заслужил. Но дело не в ней... – он смотрит на меня краешком глаза. – Я уже давно был на грани. Я был несчастен и жил в огромном стрессе... – он пожимает плечами и отворачивается. – А открытие, что ты мой брат, едва меня не доконало.

Ошеломленно моргаю.

– Да, – смеется Кент, качая головой. – Теперь это кажется глупостью, но тогда... Я, видишь ли, считал тебя социопатом и боялся, что, узнав о нашем родстве, ты попытаешься меня прикончить.

Он нерешительно поглядывает на меня. Ждет. С некоторым запозданием я понимаю, опять-таки с удивлением, что Кент ждет от меня возражений.

Но я вполне понимаю его опасения.

– Ну, я же попытался один раз тебя убить.

Глаза Кента округляются:

– Вот об этом говорить еще рано. Это пока не смешно.

Отвожу взгляд.

– Я и не пытаюсь острить.

Чувствую на себе взгляд Кента – изучающий, пытливый. Наверное, гадает о скрытом смысле моих слов. Или прикидывает, что я за птица. Или то и другое сразу, не знаю. Мне трудно угадать, о чем он думает. Надо же, обладать уникальной способностью считывать чужие эмоции – но только не у Кента! Рядом с ним я чувствую себя не в своей тарелке – будто я вдруг ослеп.

Наконец он вздыхает.

Я словно случайно прошел какое-то испытание.

– Ладно, – говорит он как-то нерешительно. – Я был уверен, что рано или поздно ты меня достанешь, и думал только об одном: не станет меня – Джеймс тоже не выживет. Я ведь весь его мир, понимаешь? Убьешь меня – убьешь и его. – Он смотрит на свои руки. – Я перестал спать по ночам, не ел. Я сходил с ума. Я не мог справиться с собой, с ситуацией, а ты, можно сказать, жил с нами... А Джульетта... Я... – он вздыхает, громко и долго. Прерывисто. – Я повел себя как сволочь. Я все свалил на нее, винил ее во всем. За то, что ушла, когда она была единственной, в ком я был уверен. Это моя вина, мой личный «багаж». Мне еще многое предстоит обдумать... – говорит он наконец. – У меня, видишь ли, проблемы с теми, кто меня бросает.

Некоторое время я не знал, что сказать. Я никогда не считал, что Кент склонен к сложной мыслительной деятельности. Мой дар чувствовать чужие эмоции и его умение скрывать свои сверхъестественные способности сделали из нас странную парочку. Меня всегда подводили к мысли, что он бесчувственный, как деревяшка, а Кент, оказывается, куда более сведущ в чувствах, чем я думал. И красноречив.

Странно видеть человека с родственной тебе ДНК, который так свободно говорит и безбоязненно признается в своих страхах и недостатках. Это как смотреть на солнце: вскоре приходится отвести взгляд.

– Я понимаю, – только и могу выдавить я.

Кент кашляет и подытоживает:

– Ну вот, я это к тому, что Джульетта была права. Под конец мы уже отдалились друг от друга. Все это, – он водит рукой между нами, – заставило меня многое понять. Она была права. Я всегда так отчаянно чего-то хотел – любви, привязанности или чего-то еще, не знаю, – он качает головой. – Наверное, мне просто хотелось верить, что между нами есть то, чего не было. Обстановка тогда была иной... Да я и был другим человеком. Но теперь я уяснил, что для меня главное.

Я вопросительно смотрю на него.

– Моя семья, – говорит Кент, встретившись со мной взглядом. – Это все, что меня волнует.

Джульетта

Мы не спеша возвращаемся на базу.

Я не горю желанием искать Уорнера для непростого и наверняка напряженного разговора, поэтому не тороплюсь. Я пробираюсь через оставшиеся с войны развалины, выбираю тропы между серыми обломками бараков, когда ничейная территория и закопченные остатки того, что там находилось, остаются позади. Я всегда страшно жалею, когда прогулка подходит к концу: меня одолевает болезненная ностальгия по одинаковым домикам с белым штакетником, заколоченным теперь магазинам и заброшенным банкам на улицах этой загубленной земли. Вот бы вернуть сюда жизнь!

Глубоко дышу, радуясь ледяному чистому воздуху, обжигающему легкие. Ветер крутится рядом, тянет, толкает, танцует со мной, путает волосы, и я иду против ветра, забываюсь в нем, открываю рот, чтобы надышаться. Я уже готова заулыбаться, когда Кенджи сумрачно смотрит на меня, и я сжимаю губы, извиняясь взглядом.

Мое неискреннее извинение мало его устраивает. Я заставляю Кенджи спуститься со мной к океану – моя любимая часть прогулки. Кенджи, напротив, это просто ненавидит, и с ним вполне согласны его сапоги, один из которых застревает в липкой грязи, покрывающей когда-то чистый песок.

– Ну чего смотреть на эту лужу мочи!

– Неправда, – возражаю я. – Касл говорит, что воды там определенно больше, чем мочи.

Кенджи лишь сердито смотрит на меня.

Он ворчит себе под нос, жалуясь, что его сапоги промокли, когда мы возвращаемся на дорогу. Я беспечно не обращаю внимания на его бурчание, твердо решив насладиться последними спокойными минутами, потому что это единственное время, которое я могу потратить на себя. Я медлю, оглядываясь на потрескавшиеся тротуары и провалившиеся крыши, вспоминая – иногда успешно – время, когда все было не так безнадежно.

– Слушай, а ты скучаешь по прежней жизни? – спрашиваю я Кенджи. – По тому, как все было раньше?

Кенджи стоит на одной ноге, счищая грязь с кожаного сапога. Он поднимает на меня взгляд.

– Не знаю, что, по-твоему, ты там помнишь, Джей, но прежняя жизнь была ненамного лучше теперешней.

– Ты о чем? – уточняю я, прислонившись к шесту старого уличного знака.

– Нет, это *ты* о чем? – возражает он. – Как ты можешь тосковать по прошлому? Ты же ненавидела жить с родителями! Сама говорила – они были отвратительные люди!

– Были, – я отворачиваюсь. – И увидеть я успела немного. Но кое-какие приятные моменты – до того, как Оздоровление захватило власть, – я помню. Наверное, мне не хватает дорогих сердцу мелочей... – Я оглядываюсь на Кенджи и улыбаюсь. – Понимаешь?

Он приподнимает бровь.

– Ну, вот звука тележки мороженщика в разгар дня или почтальона, разносившего почту по домам. Вечерами я сидела у окна и смотрела, как люди возвращаются домой с работы... – Я опускаю взгляд, вспоминая. – Хорошее было время...

– Хм.

– Ты не согласен?

Кенджи невесело улыбается, пока разглядывает свой сапог.

– Не знаю, Джей. В мой район мороженщики не забредали. Я помню мир усталым, расистским и нестабильным до чертиков, вполне созревшим для насильственного переворота и установления паршивого режима. Мы уже были разобщены, бери нас голыми руками... – Он

длинно выдыхает и продолжает: – В восемь лет я сбежал из приюта и мало что помню о милых вещах, которые ты тут расписываешь.

Лишь через секунду ко мне возвращается дар речи:

– Ты жил в приюте?!

Кенджи коротко, безрадостно смеется.

– Ага. Около года болтался на улицах, проехал автостопом через всю страну – секторов тогда еще не было, а потом меня нашел Касл.

– Что?! – напрягаюсь я. – Почему ты молчал? За все время и словом не обмолвился...

Он пожимает плечами.

– А ты вообще знал своих родителей?

Кенджи кивает, не глядя на меня.

Я чувствую, как кровь холодеет в жилах.

– И что с ними случилось?

– Неважно.

– Еще как важно, – возражаю я, трогая его за локоть. – *Кенджи!*

– Это неважно, – упрямо повторяет он, отстраняясь. – У каждого свои проблемы и свое прошлое. К чему ворошить?

– Речь вовсе не о прошлом, – говорю я. – Я хочу знать. Твоя жизнь – тогда и теперь – мне безразлична. – И снова я вспоминаю о Касле и его настойчивых уверениях, что мне нужно больше узнать о прошлом Уорнера.

Мне нужно больше узнать о людях, которые мне дороги.

Кенджи наконец улыбается, но от этого у него делается усталый вид. Вбежав по растрескавшейся каменной лестнице бывшей библиотеки, он садится на холодный бетон. Наша охрана ожидает рядом, не показываясь, однако, на глаза.

Кенджи приглашающе хлопает по ступеньке рядом с собой. Я осторожно поднимаюсь по лестнице и усаживаюсь рядом. Мы смотрим на бывший перекресток, старые светофоры и клубки оборванных проводов на тротуарах.

– Ты же знаешь, что я японец?

Я киваю.

– Ну вот. Когда я рос, люди не привыкли видеть здесь такие лица, как у меня. Мои родители родились не здесь, они говорили по-японски и на ломаном английском. Это многим не нравилось. Жили мы в разношерстном районе, с невежественными соседями... Примерно в это время Оздоровление начало свою кампанию, обещая стереть разницу культур, языков и религий, а заодно и все остальное. Межрасовые конфликты случались тогда каждый день. По континенту прокатилась волна насилия – массовые драки в цветных кварталах, убийства на почве расовой ненависти. Если ты не того цвета и оказался не в том месте и не в то время... – Кенджи выставляет палец и делает воображаемый выстрел, – пиши пропало. Азиатским общинам досталось меньше, чем, скажем, черным: негритянские районы хлебнули по полной: спроси у Касла, он такое расскажет, что волосы дыбом встанут. Для нашей семьи проблемы начинались, только если мы куда-то выбирались все вместе: тогда местные начинали обзывать нас. Помнится, мама очень не любила выходить из дома...

Я напрягаюсь. Кенджи лишь жмет плечами.

– Отец, ну, ты понимаешь, не мог смолчать, когда говорили злые глупости о его семье. Он выходил из себя. Это с ним бывало нечасто, но уж если начиналось, то заканчивалось скандалом. Редко когда мирно расходились. Это не казалось прямо вот очень страшным, но мама умоляла отца не связываться, а он не мог. Я его не виню, – лицо Кенджи словно темнеет. – И однажды это плохо кончилось. Тогда все ходили с оружием, помнишь? Гражданские – и с оружием! Сейчас, при Оздоровлении, такого и представить нельзя, но тогда каждый был сам за себя. – Он помолчал: – Отец тоже купил пистолет. Сказал, на всякий случай, для самоза-

щиты. И когда раздалась очередная ругань в нашу сторону, папа чересчур расхрабрился... и его застрелили из его же пистолета. А мама получила пулю, пытаясь прекратить скандал. Мне было семь лет.

– Ты тоже там был? – ахаю я.

Кенджи кивает.

– Видел все с начала до конца.

Я зажимаю рот обеими руками. Глаза щиплет от слез.

– Я никому не рассказывал. – Кенджи морщит лоб. – Даже Каслу.

– Как? – Я опускаю руки. – Почему?!

– Не знаю, – тихо говорит он, глядя куда-то вдаль. – Сперва все было еще слишком свежо. Слишком реально. Он пробовал расспрашивать, но я отрезал, что не хочу об этом говорить. Никогда. – Кенджи косится на меня. – Больше он не лез с вопросами.

Я смотрю на него, не находя слов. Кенджи отводит взгляд, говоря будто сам с собой:

– Так странно все это говорить... – Вдруг он всхлипывает, вскакивает на ноги и отворачивается, чтобы я не видела его лица. Я слышу, как он дважды резко втягивает воздух, а затем сует руки в карманы и говорит: – Похоже, из всех нас только у меня не было проблем с отцом. Я его любил до беспамятства.

Из головы не идет услышанное от Кенджи: сколько же мне еще предстоит узнать о нем, об Уорнере, обо всех, кого я считаю друзьями... Из задумчивости меня выводит голос Уинстона.

– Мы еще не все комнаты распределили, но получается неплохо, по спальням даже немного опережаем график, – говорит он. – С восточным крылом Уорнер уложился в рекордные сроки, переезжать можем хоть завтра.

Раздаются короткие аплодисменты. Кто-то одобрительно улюлюкает. Мы идем по нашему новому центру управления. Главные помещения еще не закончены, поэтому в основном мы смотрим на гулкий пыльный беспорядок, но мне понравится прогресс. Нашему отряду очень нужны спальни, больше туалетов, столов, студий – и настоящий штаб. Надеюсь, это станет началом нового мира, где я буду Верховным главнокомандующим (с ума сойти!).

А пока события, которые мы готовим, а я контролирую, еще только разворачиваются. Мы не будем объявлять войну другим секторам, пока не разберемся, какие командиры могут стать нашими союзниками. А на это опять-таки нужно время.

«Мир разрушали не за ночь, стало быть, и спасти его нужно не наспех», – часто повторяет Касл, и я считаю, он прав. Прогресс любит продуманные решения, да и отсутствие дипломатии для нас смерти подобно. Нам было бы куда легче, не будь мы единственными, кто ждет перемен. Нужно заключать союзы.

Утренний разговор с Каслом выбил меня из колеи – я уже не знаю, что у меня на душе и на что я надеюсь. Но я знаю, что несмотря на впечатление, которое произвожу на гражданских, я не хочу из одной войны бросаться в другую. Не хочу убивать всех, кто встанет у меня на пути. Люди Сектора 45 доверили мне судьбы своих близких – детей и супругов, ставших моими солдатами, – и я не хочу зря рисковать их жизнями. Я надеюсь постепенно разобраться. Я надеюсь, что у нас есть шанс, пусть и ничтожный, рассматривать это полусотрудничество соседних секторов и пяти верховных командующих как надежду на будущее. Вот только сможем ли мы объединиться без кровопролития?

– Это смешно и наивно, – говорит Кенджи.

Невольно оглядываюсь. Он спорит с Ианом Санчесом, долговязым тощим парнем, немного высокомерным, но с золотым сердцем. Среди нас только у Иана нет сверхспособностей, но для нас это неважно.

Иан подпирает стенку, скрестив руки на груди и глядя в потолок.

– Мне нет дела, что ты там думаешь...

– А мне есть, – перебивает Касл. – Мне интересно мнение Кенджи.

– Но...

– И твое тоже, Иан, – сразу добавляет Касл. – Но нельзя не признать, что как раз в этом вопросе Кенджи прав: нужно ко всему подходить с величайшей осторожностью. Мы не знаем, что случится завтра-послезавтра.

Иан раздраженно выдыхает:

– Я не об этом говорил! Я просто не понимаю, зачем нам столько места! Какая в этом необходимость?

– Подожди, а какая в этом проблема? – оглядываюсь я вокруг. – Чем тебе не нравится новое помещение?

Лили обнимает Иана за плечи.

– Иану просто грустно, – с улыбкой говорит она, – что больше не будет пижамных вечеринок.

– Что? – хмурюсь я.

Кенджи хохочет. Иан морщится.

– Я считаю, нам и так неплохо, – упрямо говорит он. – Зачем сюда переезжать? – он обводит раскинутыми руками огромное помещение. – Только искушать судьбу. Или вы забыли, что произошло, когда мы в прошлый раз оборудовали гигантский схрон?

Я замечаю, как Касл вздрагивает. По-моему, дернулись вообще все присутствующие.

Разрушенный «Омега пойнт», стертый бомбардировкой с лица земли... Десятилетия работы уничтожены за несколько минут.

– Такого больше не будет, – внушительно говорю я. – Кроме того, мы защищены лучше, чем тогда. У нас теперь есть целая армия. Здесь безопаснее, чем где бы то ни было.

Мои слова тут же встречают дружной поддержкой, но на душе беспокойно – ведь сказанное мной лишь полуправда. У меня нет способа узнать, что с нами будет и надолго ли мы здесь, но я точно знаю – нам необходимо больше места. Надо устроить магазин, пока никто не перекрыл снабжение: санкций от других континентов и их лидеров еще не последовало. Стало быть, надо отстраиваться, пока есть возможность.

Но все же...

Такой огромный зал – и только для нашей работы!

Это целиком заслуга Уорнера.

Он освободил целый этаж – верхний, пятнадцатый – для штаб-квартиры Сектора 45. Перераспределение целого этажа людей, мебели и оборудования по другим отделам требует немалых усилий, но Уорнер справился. Теперь пятнадцатый этаж переделан специально под нас.

Здесь в нашем распоряжении будут новейшие технологии, которые не только дадут нам возможность проводить любые исследования и осуществлять необходимый мониторинг, но и позволят Уинстону и Алие создавать любые новые приборы, гаджеты и форменную одежду, какие только могут понадобиться. Хотя в Секторе 45 есть медицинское крыло, нам нужна лаборатория для Сони и Сары: там сестры будут и дальше создавать антитоксины и сыворотки, которые когда-нибудь, возможно, спасут нам жизнь.

Я уже хотела напомнить об этом, но в комнату вошел Делалье.

– Мадам Верховная... – обращается он ко мне с легким вежливым поклоном.

Все оборачиваются.

– Да, лейтенант?

В его голосе я различаю дрожь:

– К вам посетитель, мэ. Он просит десять минут вашего времени.

– Посетитель? – я инстинктивно смотрю на Кенджи, но тот находится в таком же замешательстве, что и я.

– Да, мэм, – подтверждает Делалье. – Он ждет внизу, в главной приемной.

– Что за посетитель? – нервно спрашиваю я. – Откуда взялся?

– Хайдер Ибрагим, сын Верховного командующего Азии.

Меня охватывает нехорошее предчувствие. По-моему, мне не удастся скрыть страх, когда я переспрашиваю:

– *Сын Верховного командующего Азии?* Чем он объясняет свой визит?

Делалье качает головой:

– Я с сожалением вынужден сказать, что он отказался отвечать на любые вопросы, мэм.

У меня все плывет перед глазами – и я сразу вспоминаю тревогу Касла по поводу Океании. Страх в его глазах, который я видела утром. Вопросы, на которые он отказался отвечать.

– Что ему ответить, мэм? – напоминает о себе Делалье.

Я чувствую, как сердце куда-то взмывает, и зажимаюсь. *Ты главнокомандующая*, говорю я себе. *Веди себя соответственно.*

– Мэм?

– Передайте ему, что я сейчас спу...

– Мисс Феррарс, – резкий голос Касла копьём пронзает туман в моей голове.

Я смотрю в ту сторону, откуда раздался голос.

– Мисс Феррарс, – повторяет он, предупреждаясь глядя на меня. – Возможно, вам стоит подождать.

– Подождать? Чего подождать?

– Отложить встречу, пока не подойдет мистер Уорнер.

Замешательство сменяется гневом.

– Я ценю вашу заботу, Касл, но я справлюсь сама, спасибо.

– Мисс Феррарс, умоляю вас передумать! – настойчиво говорит он. – Вы должны понимать – это не мелочь! Визит сына Верховного командующего может означать очень многое...

– Как я уже сказала, спасибо за заботу, – отрезаю я.

Щеки горят. По-моему, Касл в меня не верит и даже не пытается поддержать. Я уже не знаю, могу я ему доверять или нет. Какой союзник станет указывать на мою неопытность в присутствии подчиненных? Сдерживая огромное желание перейти на крик, я цежу:

– Уверяю вас, все будет нормально. – И, обращаясь к Делалье, добавляю: – Лейтенант, пожалуйста, передайте посетителю, что я спущусь через минуту.

– Да, мэм, – вежливо кивнув, Делалье уходит.

К сожалению, моя бравада вышла за дверь вместе с ним. Игнорируя Касла, я оглядываю комнату, высматривая Кенджи. Несмотря на хвастовство, я не хочу идти на эту встречу одна, а Кенджи хорошо меня знает.

– Я здесь, – он мгновенно пересекает комнату и оказывается рядом.

– Пойдем со мной, а? – шепчу я и тяну его за рукав, как ребенок.

Кенджи смеется:

– Я буду там, где скажешь, детка.

Уорнер

Я боюсь утонуть в океане собственного молчания.

Под мерный шум в ушах, сопровождающий тишину, на меня двинулись в атаку собственные мысли. Должно быть, я слишком много думаю – гораздо больше, чем надо. Я почти не преувеличу, сказав, что целью жизни для меня теперь стало обогнать мысли и воспоминания. Поэтому мне нельзя сидеть на месте.

Раньше, когда мне требовалось переключиться, я спускался под землю – меня отлично успокаивали имитационные камеры и программы, созданные для подготовки солдат к бою. Но из-за строительного хаоса на подземные этажи мы недавно перевели солдат, и я лишился отдушины. Теперь у меня нет выбора – только навстречу.

Вхожу в ангар быстрой, энергичной походкой – шаги частым эхом отдаются в огромном пространстве. Почти безотчетно я направляюсь к армейским вертолетам, стоящим в правом дальнем углу. При виде меня солдаты буквально отскакивают с дороги и с растерянностью в глазах отдают мне честь. Коротко киваю в их сторону, ничего не объяснив, и забираюсь на место пилота. Надев наушники, тихо говорю в рацию, оповестив наших воздушных диспетчеров о своем намерении полетать, и пристегиваюсь.

Сканер сетчатки автоматически меня идентифицирует. Покончив с предполетной проверкой, включаю мотор. Оглушительный рев ощущается даже сквозь звукопоглощающие наушники. Напряжение начинает отпускать.

Скоро я буду в воздухе.

Отец научил меня стрелять из пистолета, когда мне было девять лет. Когда мне было десять, он глубоко полоснул мне ножом по икре и показал, как зашивать себе раны. В одиннадцать он сломал мне руку и бросил в чаще леса на две недели. В двенадцать меня научили собирать и обезвреживать бомбы. Управлять самолетом отец меня выучил, когда мне исполнилось тринадцать.

Он никогда не учил меня ездить на велосипеде. Этому я научился сам.

С высоты несколько тысяч футов Сектор 45 кажется недособранной головоломкой. Расстояние делает мир маленьким и несложным – пилюлей, которую легко проглотить. Но я знаю, что это обман. Только здесь, над облаками, я начинаю понимать Икара: меня тоже тянет полететь поближе к солнцу, и лишь моя неспособность к нецелесообразным поступкам привязывает меня к земле. Я глубоко вздыхаю, успокаиваюсь и возвращаюсь к работе.

Я вылетел на свою воздушную прогулку немного раньше обычного, поэтому вид внизу отличается от привычного. Обычно я летаю ближе к вечеру, следя за гражданскими, которые выходят с работы и обменивают доллары на товары в местных центрах снабжения. Обычно после этого они спешат в свои бараки, сгорбившись под тяжестью покупок (самых необходимых) и унылого сознания, что завтра все повторится. Сейчас гражданские еще на работе – земля свободна от своих рабочих муравьев. На расстоянии пейзаж причудлив и красив – огромный синий океан притягивает взгляд.

Эту странную безрадостную реальность помогал создавать мой отец.

Зажмуриваясь, стиснув рычаг. Что-то чересчур много выпало на сегодня.

Во-первых, обезоруживающее открытие, что душа у моего брата не менее сложна и несовершенна, чем моя.

Второе, и самое обидное: скорое прибытие моего прошлого, которое чем-то растревожено.

Я еще не говорил с Джульеттой о неминуемых гостях и, честно говоря, вообще не хочу заводить об этом речь. Я никогда не обсуждал с ней большую часть моей жизни, не рассказывал

о друзьях детства и их родителях, об истории Оздоровления и своей в ней роли. Как-то не выбрал времени – нужный момент не подвернулся: Джульетта семнадцать дней как Верховный главнокомандующий, а наш роман всего на два дня старше.

И дел у нас обоих по горло.

Мы через многое прошли: сложности, отчуждение, смятение, недопонимание. Она мне долго не доверяла. Я понимаю, виноват в этом только я, но меня беспокоит, что моя бывшая низость вызывала у Джульетты рефлекторную привычку сомневаться во мне. Эта привычка уже стала как хорошо развитая мышца, а если открыть ей иные подробности моей постыдной жизни, это только осложнит наши отношения, которые я отчаянно желаю сохранить. Защитить.

Так с чего же начать?

Когда мне исполнилось шестнадцать, наши родители, лидеры континентов, решили, что мы, их отпрыски, должны по очереди пострелять друг в друга. Не убивать, а только вывести из строя. Они хотели, чтобы мы на собственной шкуре узнали, что такое пулевое ранение, и прочувствовали, каково оправляться от ран, а главное, чтобы усвоили – даже друзья в один прекрасный день могут стать нашими противниками.

Непроизвольно на моем лице появляется невеселая улыбка.

Полагаю, это был ценный урок – в конце концов, мой отец сейчас лежит в могиле, а его старым друзьям наплевать. Но стрелять меня учил он, опытный снайпер, и я ежедневно тренировался уже пять лет, на два года дольше остальных, поэтому я был быстрее, резче и жестче своих сверстников. Я не колебался. Я перестрелял всех приятелей, прежде чем они успели достать оружие.

В тот день я впервые почувствовал, что отец гордится мною. Я долго и безуспешно старался заслужить его одобрение – и наконец смог: папа посмотрел на меня так, как я всегда мечтал, будто я ему дорог, словно он узнает во мне себя. Осознав это, я метнулся в лес, где меня вырвало в кусты.

Свою пулю я получил только однажды.

От этого воспоминания мне до сих пор стыдно, но я не жалею. Заслужил. За то, что не понял ее, за то, что плохо с ней обращался, за то, что растерялся. Но я старался стать другим человеком – если не добрее, то хотя бы порядочнее! Я не хотел потерять любовь, которой научился дорожить.

Не хочу, чтобы Джульетта знала о моем прошлом.

Не хочу делиться с ней историями, которые мне самому отвратительны и соответственно окрасят впечатление обо мне. Не хочу, чтобы она знала, какое у меня было детство. Зачем ей знать, сколько раз отец заставлял меня смотреть, как он свежует убитых животных? У меня в ушах до сих пор звучат его крики – он бил меня ногами, если я осмеливался отвести взгляд. Я предпочитаю не помнить часы, которые просидел в наручниках в темной комнате, где звучала запись голосов женщин и детей, моливших о помощи. Это чтобы я вырос сильным, говорил отец. Это поможет мне выжить.

Однако такая жизнь с отцом заставляла меня желать ему смерти.

Я не хочу говорить Джульетте, что знал – отец изменяет матери, он ее давно бросил. Я хотел убить его, мечтал об этом, планировал, надеялся однажды свернуть ему шею с помощью тех самых приемов, которым он меня научил.

И всякий раз я терпел неудачу.

Потому что я слабак.

Я не тоскую по отцу. Я не скучаю по прежней жизни. Я не хочу, чтобы его друзья или воспоминания о нем лезли мне в душу. Но отчего-то его старые друзья не оставляют меня в покое.

Они явились за своим фунтом плоти, и я боюсь, что на этот раз – как всегда – мне придется расплатиться с ними моим сердцем.

Джульетта

Мы с Кенджи в комнате Уорнера (ставшей теперь и моей комнатой) стоим посреди шкафа, и я швыряю в Кенджи одежду, лихорадочно что-то выбирая.

– Может, это? – говорю я, отправляя в полет что-то блестящее. – Или это? – В Кенджи летит новый комок ткани.

– Ты что, вообще в одежде не разбираешься?

Я гневно оборачиваюсь:

– А когда мне было узнавать о тонкостях моды, Кенджи? Когда родители держали меня в изоляции или пока я гнила в психушке?

Он замолкает.

– Ну так что? Которое?

Он поднимает с пола вещи и хмурится:

– Предлагаешь выбрать между блестящим мини-платьем и пижамными штанами? Опять всем надо заниматься самому... Вряд ли что-то будет сочетаться с поношенными теннисками, из которых ты не вылезашь.

– Ой, – осекаюсь я, взглянув на свои ноги. – Уорнер подбирал мне гардероб еще до личного знакомства... Ничего другого все равно нет – это висит с того дня, как меня привезли в Сектор 45.

– А почему не надеть тот костюм, который тебе шили Алиа и Уинстон? – спрашивает Кенджи, приваливаясь к стенке шкафа.

Я качаю головой:

– Его еще не починили, и на нем пятна крови Андерсона. Кроме того, я тогда была другой. Я носила костюмы, закрывающие меня с ног до головы, чтобы защитить людей от моей кожи. Но сейчас-то я научилась управлять своей силой и умею ее отключать. Я умею быть... нормальной, – я пытаюсь улыбнуться, – и хочу одеться как обычный человек.

– Но ты не обычная!

– Знаю, – щеки заливают горячий румянец. – Но хочу выглядеть как все. Я никогда не жила как нормальный подросток, и почувствовать себя...

– Понял, – перебивает Кенджи и оглядывает меня с ног до головы. – Если на то пошло, как раз сейчас ты выглядишь обычным человеком. Нечего и менять, – он обводит в воздухе какие-то общие очертания моего тела.

На мне джинсы и розовый свитер, волосы собраны на макушке в хвост. Мне удобно и хорошо, но я чувствую себя неотесанной семнадцатилетней самозванкой.

– Но мне же полагается выглядеть лидером Северной Америки, – жалуюсь я. – Ты считаешь, ничего, если я так пойду? Вот Уорнер умеет с достоинством носить и костюмы, и неформальную одежду. Его вид сразу вызывает уважение...

– Где он, кстати? – встречает Кенджи. – Тебе, конечно, неприятно это слышать, но я согласен с Каслом: Уорнер должен присутствовать на встрече.

Я глубоко вздыхаю, стараясь успокоиться.

– Я в курсе, что Уорнер все знает, умеет и превосходит меня практически во всем. Его готовили для такой жизни. Андерсон прочил его в правители мира. В иной реальности он бы им и стал. Честное слово, я это прекрасно понимаю.

– Но?

– Но это не дело Уорнера, понятно? – сердито объясняю. – Это моя задача. Я не могу во всем полагаться на него. Я хочу попробовать сделать что-то сама, взять инициативу в свои руки.

Кенджи мои слова не убедили.

– Ну, не знаю, Джей. Может, как раз сейчас стоит на него опереться. Уорнер знает эту кухню получше нас с тобой, плюс подскажет, что надеть, – Кенджи пожимает плечами. – Я ведь в моде не знаток...

Я поднимаю с пола короткое блестящее платье и осматриваю его.

Чуть больше двух недель назад я в одиночку справилась с сотней солдат, кулаком разможила человеку горло. Я всадила две пули в голову Андерсона без малейших колебаний и сожалений. Но сейчас, стоя перед шкафом, полным одежды, я робею.

– Может, и вправду позвать Уорнера, – нерешительно протягиваю я.

– Да, – поддерживает Кенджи. – Хорошая идея.

Но я тут же передумываю.

– А хотя не надо, и так сойдет. Все в порядке, сама справлюсь. Подумаешь, важность! Наш ровесник, всего-то сын Верховного командующего Азии, не главнокомандующий же собственной персоной!

– Джей, в этих делах не бывает мелочей! Дети лидеров – как Уорнер. Они ведь в сущности наемники. Каждого готовят занять отцовское место...

– Нет, я должна сама, – поворачиваясь к зеркалу, я потуже затягиваю хвост. – Правильно? Кенджи качает головой.

– Правильно! – энергично киваю я.

– Я считаю, ты это зря.

– Я и сама что-то могу, Кенджи, – огрызаюсь я. – Я не совсем уж пустое место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.